
ФАКТЫ, ОЦЕНКИ, ПЕРСПЕКТИВЫ
FACTS, APPRAISALS, PERSPECTIVES

Вестник НГУЭУ. 2023. № 2. С. 53–71
Vestnik NSUEM. 2023. No. 2. P. 53–71

Научная статья
УДК 339.56
DOI: 10.34020/2073-6495-2023-2-053-071

**ОСОБЕННОСТИ ТОРГОВЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ
РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ И ЧАСТИЧНО ПРИЗНАННЫХ
РЕСПУБЛИК ЮЖНОГО КАВКАЗА**

Дорошенко Светлана Викторовна

Институт экономики Уральского отделения РАН
doroshenkos@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу торговых связей частично признанных государств постсоветского пространства Республик Абхазия и Южная Осетия с российскими регионами в период 2013–2021 гг. Основные источники информации – данные сайта ru-stat.com с детализацией по регионам и группам товаров, анализ которых позволил выделить особенности современных торговых взаимодействий. К примеру, региональная география импорта Абхазии более разнообразна и постоянна по сравнению с Южной Осетией. В плане экспорта важнейшими для Абхазии являются продукты питания, для Южной Осетии – текстиль.

Ключевые слова: частично признанные государства, государства де-факто, Республика Южная Осетия, Республика Абхазия, экспорт, импорт, структура, особенности, регионы России

Финансирование. Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ и МОН РЮО, проект № 20-514-07001.

Для цитирования: Дорошенко С.В. Особенности торговых взаимодействий российских регионов и частично признанных республик Южного Кавказа // Вестник НГУЭУ. 2023. № 2. С. 53–71. DOI: 10.34020/2073-6495-2023-2-053-071.

Original article

THE FEATURES OF TRADE INTERACTIONS BETWEEN RUSSIAN REGIONS AND PARTIALLY RECOGNIZED REPUBLICS OF THE SOUTH CAUCASUS

Doroshenko Svetlana V.*Institute of Economics of the Ural Branch of RAS*

doroshenkos@mail.ru

Abstract. The article is devoted to a comparative analysis of trade relations between the partially recognized post-Soviet states of the Republics of Abkhazia and South Ossetia with the Russian regions in the period 2013–2021. The main sources of information are site data ru-stat.com with details by regions and groups of goods, the analysis of which allowed us to highlight the features of modern trade interactions. For example, the regional geography of Abkhazia's imports is more diverse and constant compared to South Ossetia. In terms of exports, the most important for Abkhazia are food products, for South Ossetia – textiles.

Keywords: partially recognized states, states de facto, Republic of South Ossetia, Republic of Abkhazia, export, import, structure, features, Russian regions

Financing. The study was supported by the RFBR and MES RSO, project no. 20-514-07001.

For citation: Doroshenko S.V. The features of trade interactions between Russian regions and partially recognized republics of the South Caucasus. *Vestnik NSUEM*. 2023; (2): 53–71. (In Russ.). DOI: 10.34020/2073-6495-2023-2-053-071.

Введение

События на Украине 2014 г. на новый уровень вывели научный интерес к вопросам развития государственных образований, возникших в 1990-х гг. на постсоветском пространстве в результате вооруженных столкновений. В зарубежных исследованиях такие государства определяются по-разному. Например, как «политическое образование, обладающее всеми атрибутами государственности (политической системой, вооруженными силами, внешней политикой), но не имеющее международного признания статуса государственности» [27, с. 1]. D. Lynch в своей работе дал определение концепции государства де-факто как «государства без международного признания, но с эмпирическим существованием» [25, с. 832]. В целом в мировой практике подобные государственные образования обозначаются через различные термины, зачастую употребляемые синонимично: непризнанные или частично признанные государства, квазигосударства, парагосударства, пограничные государства, сецессии, государства де-факто, самопровозглашенные сепаратистские анклавы. По мнению P. Kolstø, терминологическая путаница затрудняет изучение государственных образований, существование и сохранение которых обусловлено как внутренней поддержкой местного населения, так и помощью сильного покровителя [21]. Также отмечают интерес и поддержку со стороны транснациональных

субъектов, к которым, к примеру, относят отдельные этнические и конфессиональные группы [26].

На территории бывшего Советского Союза в конце XX в. образовалось несколько таких государств: Республика Абхазия, Республика Южная Осетия, Нагорно-Карабахская Республика (Республика Арцах) и Приднестровская Молдавская Республика. В отношении терминологии мы придерживаемся позиции С.М. Маркедонова [2], считающего, что эти государства корректнее называть частично признанными, поскольку они получили признание со стороны нескольких стран, включая Россию. До октября 2022 г. к таким образованиям относились Луганская и Донецкая Народные Республики, на создание которых, по мнению М. Минакова, повлияли не только военная, политическая и экономическая поддержка России, но и сотрудничество с правительствами Приднестровья и Абхазии, поделившимися своим опытом и моделями государственного строительства [28]. В отсутствие международного признания политическая и экономическая жизнеспособность таких республик во многом определяется устойчивостью взаимодействия с государством-патроном. Данная статья посвящена сравнительному анализу развития торговых связей Абхазии и Южной Осетии с субъектами Российской Федерации в период 2013–2021 гг.

Абхазия и Южная Осетия в современных исследованиях

Признание в 2008 г. Россией независимости Республик Абхазия и Южная Осетия, а затем и события 2014 г. на Украине способствовали росту научной популярности темы, как ее иногда характеризуют, «неразрешенных конфликтов» [15, с. 156]. Эксперты и сегодня проводят определенные параллели между событиями на Южном Кавказе и Украине [7].

Безусловно, зарубежные исследователи не оставляют без внимания оценку роли России в частично признанных постсоветских государственных образованиях, отмечая ее чаще с негативной стороны. Так, авторы работы [16], опираясь на концепцию связей и рычагов воздействия, предложенную С. Левицким и Л. Уэем, а также на эмпирические результаты, приходят к выводу о том, что по сравнению с другими политическими образованиями на постсоветском пространстве Абхазия и Южная Осетия представляют собой крайний случай российских связей и рычагов влияния. Авторами признается, что экономические, межправительственные, технократические и социальные связи между Россией и двумя регионами чрезвычайно глубоки. Но это, как они считают, непосредственно и подрывает автономию регионов.

Современные эксперты по-своему пытаются объяснить, «почему Россия, несмотря на свой предыдущий внешнеполитический курс на обратное, признала независимость Абхазии и Южной Осетии в 2008 г. Это противоречило ее давней внешней политике непризнания сепаратистских образований на постсоветском пространстве и приоритета территориального суверенитета в международных отношениях» [6, с. 403]. Более того, в течение 2008–2015 гг. Россия подписала почти 80 двусторонних соглашений с

республиками, создав не только «правовую архитектуру государственного строительства», но и стремясь вывести на качественно новый уровень отношения с ними [8].

На наш взгляд, интересен вывод D. Beacháin о том, что «статус Абхазии и Южной Осетии как частично признанных государств в меньшей степени является результатом проведения определенной внешней политики и в гораздо большей степени является продуктом международных событий, таких как признание Косово, которые абхазы или осетины не смогли контролировать или направлять. Число признаний было бы значительно больше, если бы не усилия США и ЕС от имени Тбилиси. В конечном счете, признание зависит не столько от отношений государства с Грузией или Абхазией/Южной Осетией, сколько от отношений с Россией и Западом» [10, с. 442].

Изучается общественное восприятие пограничных сегментов России с Абхазией и Южной Осетией на основе анализа различных уровней дискурса: граница России и Абхазии/Южной Осетии, граница России и Грузии, граница России и Запада и граница между Северным и Южным Кавказом, выделяя в каждом свой доминирующий набор ключевых мотивов (интеграция России и Южной Осетии; аннексия Южной Осетии Россией; соперничество России с Западом за влияние на Южном Кавказе; обеспечение единства Кавказа (регион) [14].

Одновременно P. Kolsto и H. Blakkisrud, анализируя политику России в отношении Абхазии и Южной Осетии, отмечают, что опека России «государств-клиентов» полностью обеспечивает ее геостратегические интересы, поэтому республикам предоставлена свобода действий, в том числе и на выборах различных уровней [23].

Выделяют три основных инструмента, которые Россия успешно применила для укрепления своего влияния в Абхазии и Южной Осетии – развертывание вооруженных сил, паспортизация жителей непризнанных государств и ответственность за защиту [33]. Одновременно отмечается, что паспортизацию Российская Федерация в этих республиках провела «на специальной основе, чтобы удержать Грузию от восстановления своего контроля над этими территориями». Считается также, что этот инструмент, проводя параллель с Приднестровьем, «не применялся единообразно к непризнанным республикам. Вместо этого Россия использовала факторы гражданства по-разному, в зависимости от своих целей и ситуации в каждом конкретном случае» [19, с. 5].

Активно экспертами анализируются наиболее сложные аспекты взаимоотношений Российской Федерации и Республик Абхазии и Южной Осетии, в целом характеризующиеся высокой степенью асимметрии. Так, в статье [22], рассматривая отношения Абхазии и России, автор отмечает проблемы и в борьбе с преступностью в республике, и с преградами в процессе приобретения россиянами местной недвижимости и т.д. Опираясь на различающиеся государственные концепции дальнейшего существования (однозначному стремлению Абхазии к независимому государству, и «дихотомическим идеям» [18] Южной Осетии – с одной стороны, к независимости, с другой – к воссоединению с Россией, и последняя позиция до-

минирует), исследователи обсуждают так называемые «социальные шаги» дипломатической мягкой силы в качестве новой стратегии, «которую государства де-факто могут использовать в своих взаимодействиях с международным сообществом, с возможностью официального признания суверенитета или без нее» [11]. Подчеркивают начало таких шагов в последние два года в Министерстве иностранных дел Абхазии и практически их отсутствие в Министерстве иностранных дел Южной Осетии.

Южно-кавказские республики попадают и в поле зрения сравнительных исследований государств де-факто между собой [9, 24, 31, 32, 34]. Следует заметить, что и за рубежом, и в России доминируют исследования в области государственного управления, международных отношений, этнических и культурных связей, политической системы. Экономические исследования немногочисленны. На Западе не проявляют большого интереса к этой сфере, поскольку характеризуют экономику непризнанных и частично признанных государств как «застойную или разрушающуюся» [13]. На этом фоне актуализированы результаты отечественных ученых-экономистов, которые стали появляться относительно недавно и, прежде всего, по Республике Южная Осетия, отражая как общие вопросы социально-экономического развития – тенденции, факторы, модели [5, 32], так и проблемы жизнедеятельности отдельных сфер [3, 4].

Несомненно, что на состояние экономики существенно влияет международная изоляция. Республикам «в значительной степени не хватает внешнего суверенитета, то есть способности выстраивать отношения с другими странами, и международного признания независимости» [20, с. 53]. Именно поэтому они взаимодействуют с отдаленными тихоокеанскими островами и странами Латинской Америки, даже при отсутствии каких-либо значимых политических, экономических или военных связей [29].

Однако стремление укрепить де-факто государственность в отсутствие международного признания через выполнение основных требований государственного и национального строительства, укрепление экономической жизнеспособности исследователями признается неизбежным и определяется как попытка создать объединяющую идентичность [12].

В силу объективных обстоятельств модель развития республик приобрела своеобразный характер, сочетая в себе полузакрытость экономики и трансплантацию институтов. Однако такая модель не отменяет, а, наоборот, усиливает значимость внешнеэкономических отношений, прежде всего, с главным государством-партнером. Как отмечается в статье [17], высокая зависимость от трансграничных отношений с таким государством была продемонстрирована в условиях пандемии COVID-19.

В работе [1] были определены особенности, тенденции, барьеры и риски экспортно-импортных отношений Республики Южная Осетия с российскими регионами. В данной статье представляются результаты географически расширенного исследования, целью которого являлось сравнение и выделение особенностей установившихся отношений Абхазии и Южной Осетии с субъектами Российской Федерации. Подобные исследования пока отсутствуют в отечественном научном пространстве.

Информационная база и методы исследования

Исследование базируется на методах сравнительного и эмпирического анализа статистических данных, а также графическом анализе и представлении результатов.

Основными источниками аналитической информации явились:

– данные сайта ru-stat.com по импорту и экспорту России с детализацией по регионам и группам товаров;

– данные Управлений государственной статистики Республики Южная Осетия и Республики Абхазия;

– данные Государственного таможенного комитета Республики Абхазия.

Статистические данные проанализированы за период с января 2013 г. по январь 2022 г.

Динамика общих показателей

На рис. 1–6 приведены графики, отражающие динамику экспорта, импорта и общего внешнеторгового оборота между Республиками Южная Осетия и Абхазия и российскими регионами за период 2013–2021 гг., а также подушевые значения этих показателей, рассчитанных на базе данных сайта ru-stat.com. Для справки: численность населения Республики Абхазия в 2021 г. составляла порядка 243,6 тыс. человек, Республики Южная Осетия – чуть более 56,5 тыс. человек. Приблизительно подобная разница в численности наблюдается в течение всего анализируемого периода.

Графики на рис. 1 и 2 отражают изменения экспорта из республик в российские регионы. Очевидно, что и общий объем, и подушевое значение экспорта Республики Абхазия существенно превосходит аналогичные показатели Республики Южная Осетия. При этом экспорт из Южной Осетии за исследуемый период практически линейно возрастает, а динамика экспорта из Абхазии меняет направление в течение 1–2 лет, что особенно заметно на подушевом показателе за 2017–2021 гг. В целом за 9 лет

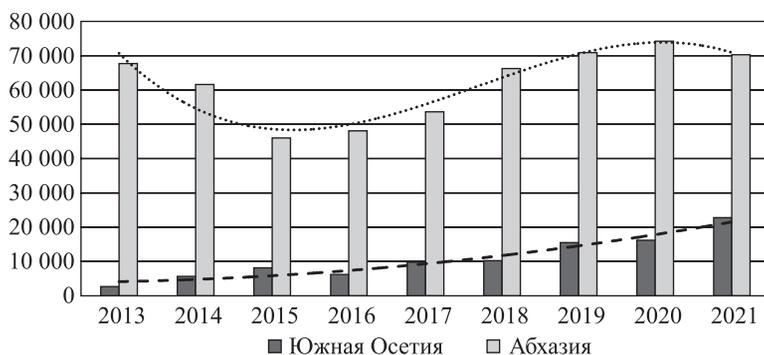

Рис. 1. Динамика экспорта из Республик Южная Осетия и Абхазия в регионы России в 2013–2021 гг., млн \$ (рассчитано автором по данным сайта ru-stat.com)

Dynamics of exports from the Republics of South Ossetia and Abkhazia to the regions of Russia in 2013–2021, million \$ (calculated by the author according to the site ru-stat.com)

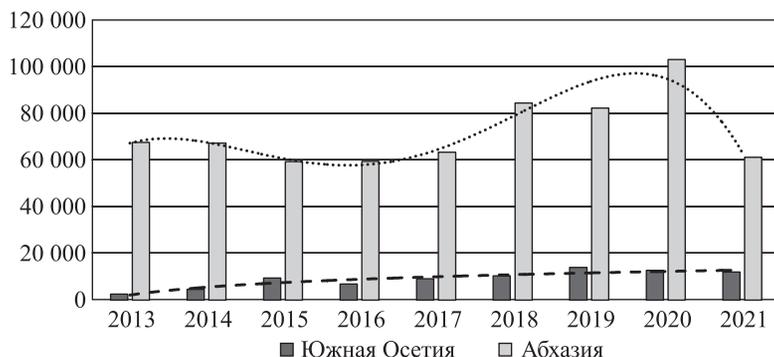

Рис. 2. Объем экспорта на душу населения из Республик Южная Осетия и Абхазия в регионы России за 2013–2021 гг., млн \$ (рассчитано автором по данным сайта ru-stat.com)

The volume of export per capita from the Republics of South Ossetia and Abkhazia to the regions of Russia for 2013–2021, million \$ (calculated by the author according to the site ru-stat.com)

общий экспорт из Абхазии вырос всего лишь в 1,03 раза – с 67,8 в 2013 г. до 70,3 млн \$ в 2021 г., а из Южной Осетии в 8,5 раз – с 2,7 до 22,8 млн \$.

На рис. 3 и 4 показаны изменения поступлений импорта из российских регионов в республики. И здесь по сравнению с экспортом ситуация несколько иная. Общий объем импорта, как и экспорта, существенно выше в Республике Абхазия, но его показатели нестабильны – рост периодически сменяется снижением. Импорт в Республику Южная Осетия в общем объеме ниже, однако импорт на душу населения заметно превышает показатели Абхазии, особенно в 2020–2021 гг. В последние годы импорт в Южную Осетию стабильно растет, а за весь период его общий объем вырос в 1,9 раза – с 56,4 до 107,4 млн \$. В Абхазию импорт увеличился в 1,2 раза – с 243,4 до 279,9 млн \$.

Динамика объемов внешнеторгового оборота между российскими регионами и Республиками Южная Осетия и Абхазия представлена на рис. 5 и 6.

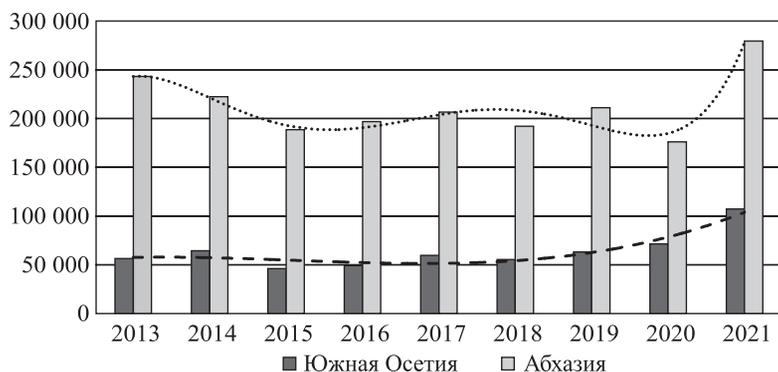

Рис. 3. Динамика импорта в Республики Южная Осетия и Абхазия из регионов России в 2013–2021 гг., млн \$ (рассчитано автором по данным сайта ru-stat.com)

Dynamics of imports to the Republic of South Ossetia and Abkhazia from the regions of Russia in 2013–2021, million \$ (calculated by the author according to the site ru-stat.com)

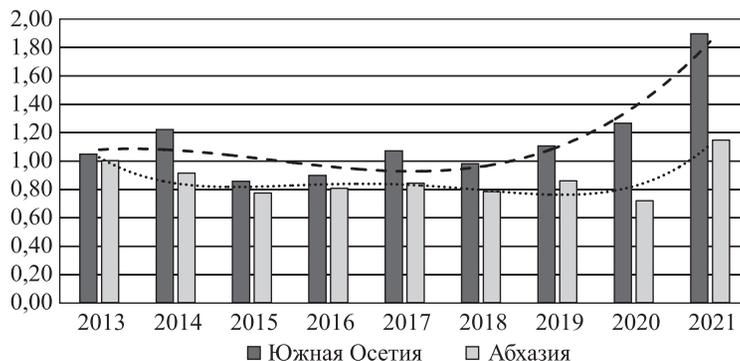

Рис. 4. Объем импорта на душу населения из Республик Южная Осетия и Абхазия в регионы России за 2013–2021 гг., млн \$ (рассчитано автором по данным сайта ru-stat.com)

The volume of imports per capita from the Republics of South Ossetia and Abkhazia to the regions of Russia for 2013–2021, million \$ (calculated by the author according to the site ru-stat.com)

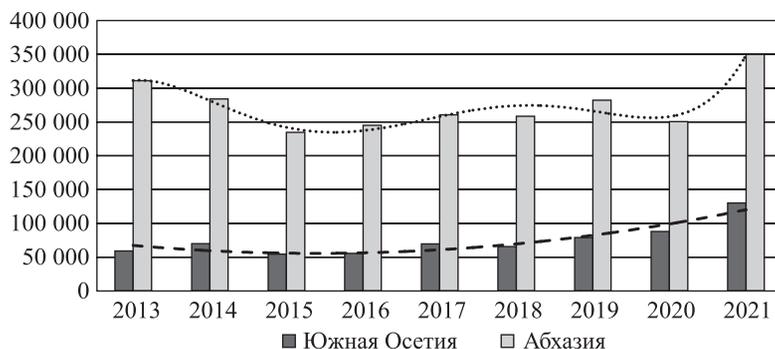

Рис. 5. Объем внешнеторгового оборота между Республиками Южная Осетия и Абхазия и регионами России за 2013–2021 гг., млн \$ (рассчитано автором по данным сайта ru-stat.com)

The volume of foreign trade turnover between the Republics of South Ossetia and Abkhazia and the regions of Russia for 2013–2021, million \$ (calculated by the author according to the site ru-stat.com)

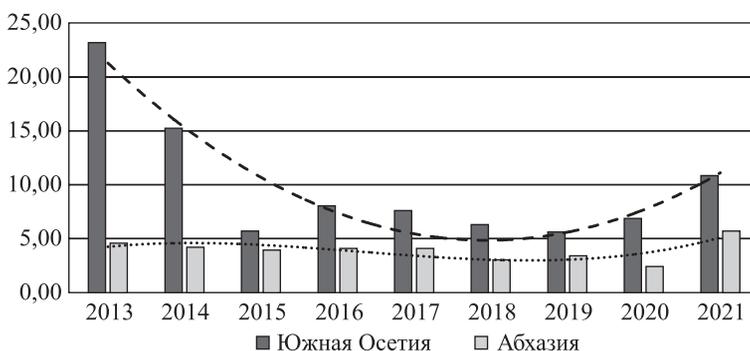

Рис. 6. Объем внешнеторгового оборота на душу населения между Республиками Южная Осетия и Абхазия и регионами России за 2013–2021 гг., млн \$ (рассчитано автором по данным сайта ru-stat.com)

The volume of foreign trade turnover per capita between the Republics of South Ossetia and Abkhazia and the regions of Russia for 2013–2021, million \$ (calculated by the author according to the site ru-stat.com)

Ситуация по этому показателю схожа с динамикой импорта. По общему объему Абхазия превосходит Южную Осетию, однако подушевые сопоставления в пользу последней республики. Кроме того, товарооборот с Осетией в последние годы стабильно растет (даже в период пандемии), а траектория изменений показателя с Абхазией практически ежегодно меняется, но в 2021 г. наблюдался заметный рост к предшествующему году. В целом за период 2013–2021 гг. общий объем внешнеторгового оборота с Абхазией вырос в 1,1 раза – с 311,2 до 350,2 млн \$, с Южной Осетией в 2,2 раза – с 59,1 до 130,2 млн \$.

Региональная и товарная составляющие импорто-экспортных потоков

В течение всего анализируемого периода импорт в Абхазию поступал из 73 субъектов РФ, а в Южную Осетию – из 64 регионов. При этом в обоих случаях и потоки не были постоянными, и доля российских регионов различна.

Так, на протяжении всего периода, включая январь 2022 г., в Абхазию товары постоянно поступали из 40 регионов, еще 18 субъектов имели непродолжительные (не более двух лет) перерывы в поставках (иногда это было только в январе 2022 г.). На долю таких «постоянных» и «достаточно постоянных» поставщиков приходится более 99 % всего импорта. При этом наибольший удельный вес имели три региона: Краснодарский край, Ростовская и Самарская области – 26,7; 16,2; 13,5 % соответственно. В группе регионов с удельным весом более 1 % расположились г. Москва (6,5 %), Кемеровская, Волгоградская и Московская области (4; 3,4; 3,2 % соответственно), г. Санкт-Петербург (2,8 %), Республики Татарстан (2,6 %), Башкортостан (2,5 %), Адыгея (1,7 %), а также Нижегородская область с долей чуть более 1 % от общего импорта за период 2013 – янв. 2022 г. Удельный вес каждого из 61 региона составлял менее 1 %. Общий удельный вес 12 наиболее значимых для Республики Абхазия региональных поставщиков 88,1 %. При этом эти регионы осуществляют поставки на протяжении всего периода.

Региональная ситуация с импортом в Южную Осетию отличается от абхазской. Из 64 регионов только 13 субъектов РФ осуществляли поставки товаров на протяжении всего периода, включая январь 2022 г. Еще 10 регионов импортировали товары, имея перерывы не более трех лет (учитывался и январь 2022 г.). Наибольший удельный вес имеют г. Москва и Республика Северная Осетия – Алания – 20,7 и 18,7 % соответственно. Еще 12 регионов имеют удельный вес более 1 % каждый. Примечательно, что Ленинградская область начала осуществлять импортные поставки только с 2016 г., но по объему обогнала многие регионы с более продолжительной историей импорта и сегодня занимает 3-е место с долей 7,9 %. Другие постоянные поставщики расположились следующим образом: Ростовская и Самарская области – 7,6 и 7,2 % соответственно; Республика Татарстан, Ставропольский край, Московская область – 5,8; 5,6; 3,6 %; г. Санкт-Петербург и Нижегородская область по 3,6 и 3,2 % соответственно; замы-

кающие список субъекты – Оренбургская область (2,7 %), Краснодарский край (2 %), Калининградская и Челябинская области (1,7 и 1,4 %). Удельный вес наиболее постоянных и значимых партнеров для Южной Осетии составил более 93 % от общего объема. Всего же на долю регионов с наиболее продолжительными и весомыми по объему поставками приходится более 97 % российского импорта Южной Осетии.

Различается между странами и удельный вес импортируемых групп товаров в общей структуре республиканского импорта. Анализ данных на основе номера и сокращенного названия группы товаров проведен в соответствии с ТН ВЭД СНГ, действующей с 1 января 2022 г. Представленные в табл. 1 данные в разрезе товарных групп ранжированы по значимости относительно Республики Южная Осетия. При этом наибольший удельный вес в обоих случаях имеет группа «27». Однако следует заметить, что Южная Осетия импортирует также электроэнергию (поэтому сделаны две строки), что составляет более 41 % от общего импорта по этой группе. Основным поставщиком электроэнергии указан г. Москва (в 2018 г. были также поступления из Краснодарского края). Абхазия не отмечается в качестве импортера электроэнергии.

По остальным группам импорта наблюдается заметная разница между республиками. Так, в Южной Осетии помимо группы «27» в пятерку наиболее значимых входят группы «22», «54», «84» и «SS», а в Абхазии – группы «30», «22», «85» и «04». Одновременно в структуре импорта Южной Осетии доля группы «48» крайне мала, а в Абхазии занимает более 1,8 %. Аналогичная ситуация наблюдается и по ряду других позиций. По группе «52» ситуация противоположная – незначительность в импорте Абхазии и 2,3 % в импорте Южной Осетии. Выделенные в табл. 1 товарные группы составляют 95,3 % всего импорта Абхазии и 96,6 % Южной Осетии. Географическое разнообразие импортных поставок объективно шире в Абхазии, но отчасти определяется группой товаров. Например, основные поставщики группы «27» (исключая электроэнергию) практически одинаковы в обеих республиках – Самарская, Оренбургская, Ростовская, Нижегородская области, Краснодарский и Ставропольский края, Республика Башкортостан и др. Но при этом Республика Северная Осетия – Алания, являясь важнейшим партнером Южной Осетии, не поставяет эту группу товаров в Абхазию.

В целом общий объем российского импорта за указанный период составил в Республике Южная Осетия более 578 млн \$, из которых 5,5 млн \$ приходится на январь 2022 г., в Республике Абхазия – более 1935 млн \$, включая свыше 16,5 млн \$ в январе 2022 г.

География экспорта из Республик Абхазия и Южная Осетия также различна. В течение анализируемого периода экспорт из Абхазии направлялся в 40 субъектов РФ, а Южной Осетии – в 18 регионов. Однако ежегодные контакты сформировались у Абхазии только с Краснодарским краем, Москвой и Санкт-Петербургом. Наибольший удельный вес экспорта республики приходится на г. Москва (81,2 %) и Краснодарский край (13,1 %). Далее идут Кемеровская область (1,9 %), г. Санкт-Петербург (1,3 %) и Ростовская область (1,2 %). Доля каждого из остальных регионов составляет

Таблица 1

**Удельный вес импортируемых товаров Республиками Абхазия
и Южная Осетия в разрезе основных групп, %**
**Share of imported goods by the Republics of Abkhazia and South Ossetia
by main groups, %**

Код	Название группы (сокращенно)	Удельный вес, %	
		Абхазия	Южная Осетия
27	Топливо минеральное, в том числе электроэнергия		19,47
27	Топливо минеральное	25,84	
22	Алкобольные и безалкогольные напитки	5,04	10,05
54	Химические нити	0,07	6,58
84	Оборудование и механические устройства; их части	3,73	5,68
SS	Секретный код	0,1	5,21
87	Средства наземного транспорта, их части и принадлежности	1,33	4,63
73	Изделия из черных металлов	2,84	4,1
24	Табак и промышленные заменители табака	3,8	4,07
85	Электрические машины и оборудование, их части	4,12	3,31
30	Фармацевтическая продукция	5,42	2,64
39	Пластмассы и изделия из них	2,4	2,44
90	Инструменты и аппараты, их части	1,11	2,36
52	Хлопок	0,006	2,30
68	Изделия из камня, гипса, цемента, асбеста, слюды	0,7	2,21
72	Черные металлы	3,58	2,10
40	Каучук, резина и изделия из них	0,39	2,09
11	Продукция мукомольно-крупяной промышленности; солод	3,39	1,94
94	Мебель; постельные принадлежности, матрацы	2,04	1,84
25	Соль; штукатурные материалы, цемент	0,88	1,40
04	Молочная продукция; яйца птиц; мед натуральный	3,95	1,02
70	Стекло	2,37	0,34
61–63	Одежда, готовый текстиль	1,04	0,96
69	Керамические изделия	0,89	0,88
44	Древесина и изделия из нее	1,87	0,83
19	Готовые продукты из зерна злаков, муки	2,44	0,67
02	Мясо и пищевые мясные субпродукты	1,3	0,66
18	Какао и продукты из него	1,61	0,61
20	Продукты переработки овощей, фруктов, орехов	1,07	0,56
17	Сахар и кондитерские изделия из сахара	0,9	0,52
34	Мыло, ПАВ	1,23	0,51
16	Готовые продукты из мяса, рыбы	2,82	0,31
21	Разные пищевые продукты	1,64	0,22
48	Бумага, картон	1,83	0,0004
Итого: по перечисленным группам		95,33	96,61

менее 1 %. Аналогично у Южной Осетии ежегодные контакты сложились только с Москвой и Республикой Северная Осетия, однако наибольшую долю в экспорте имеют г. Санкт-Петербург и Ленинградская область – 28,1 и 56,9 % соответственно. На три российских региона – Республика Северная Осетия, г. Москва и Краснодарский край приходится 6,24, 4,43 и 2,58 % соответственно. Остальные регионы имеют менее 1 % удельного веса.

Заметны различия и в структуре экспорта республик (табл. 2). Группы экспортируемых товаров ранжированы относительно их удельного веса в Республике Южная Осетия.

Таблица 2

**Удельный вес экспортируемых товаров Республиками Абхазия
и Южная Осетия в разрезе основных групп, %**
**Share of exported goods by the Republics of Abkhazia and South Ossetia
by main groups, %**

Код группы	Название группы (сокращенно)	Удельный вес, %	
		Абхазия	Южная Осетия
62	Предметы одежды, кроме трикотажных	3,4	84,96
22	Алкогольные и безалкогольные напитки	73,7	7,16
72	Черные металлы	–	3,65
84	Оборудование и механические устройства; их части	0,15	1,92
08	Съедобные фрукты и орехи; кожура цитрусовых плодов	16,8	0,85
87	Средства наземного транспорта, кроме железнодорожного	0,05	0,56
33	Парфюмерные, косметические или туалетные средства	0,0...	0,41
07	Овощи и некоторые съедобные корнеплоды	1,6	0,21
44	Древесина, изделия из нее	0,15	0,0007
25	Соль, сера, земли и камень, штукатурные материалы, цемент	0,85	–
86	Ж/д локомотивы, их части; путевое оборудование	0,61	–
Итого: по перечисленным группам		97,31	99,72

Данные табл. 2 свидетельствуют о том, что в Южной Осетии наибольший удельный вес приходится на группу «62» – более 84,9 %, а в Абхазии на группу «22» – 73,7 %. Эта группа занимает второе место в структуре югоосетинского экспорта, но с намного меньшим значением – 7,16 %. В абхазском экспорте второе место занимает группа «08» с 16,8 против 0,85 % в Южной Осетии. На третьем месте в югоосетинском экспорте выходит группа «72» (3,65 %), которая совсем не экспортируется из Абхазии, где третьей по доле является группа «62» – 3,4 %. Кроме этих групп в структуре экспорта Южной Осетии заметна группа «84» – 1,92 против 0,15 % в Абхазии, где большее значение имеет группа «07» (1,6 против 0,21 % Южной Осетии).

Относительно региональной географии наиболее весомых групп экспорта можно отметить следующее. Четыре группы, имеющие более 1 % в структуре Южной Осетии, распределялись в основном таким образом: группа «62» – города Москва и Санкт-Петербург, Ленинградская область;

группа «22» – города Москва и Севастополь, Республика Северная Осетия, Владимирская, Калужская и Тамбовская области, а также Краснодарский край; группа «72» – Республика Северная Осетия (отходы и лом черных металлов); группа «84» – Владимирская и Ростовская области, Республика Северная Осетия, Ставропольский край.

Товарные группы с долей более 1 % в экспорте Абхазии географически распределялись более разнообразно. Например, группа «22» направлялась и в Крым, Краснодарский, Хабаровский края, Санкт-Петербург, Томскую область и др. Однако в стоимостном выражении более 99 % экспорта пришлось на г. Москва. Основными потребителями группы «08» являются Краснодарский край, Москва, Кемеровская область, а в целом товар поставлялся почти в 20 регионов России. Группа «62» направлялась только в г. Москва. Группа «07» поставлялась в 10 регионов России, основными по объему из которых являлись Краснодарский край, г. Москва, Московская и Кемеровская области.

Выделенные в табл. 2 группы товаров составляют более 99,7 % югоосетинского экспорта и более 97,3 % абхазского. Общий объем экспорта в Россию из республик за анализируемый период составил порядка 97,2 млн \$ из Южной Осетии, из которых на январь 2022 г. пришлось чуть более 173 тыс. \$, и 560,6 млн \$ из Абхазии, включая 1,76 млн \$ в январе 2022 г.

Внешнеторговый оборот республик с регионами России за анализируемый период составил порядка 675,6 млн \$ для Южной Осетии и более 2496 млн \$ для Абхазии. Безусловно, импорт из России превышает экспорт из республик, что формирует для них отрицательный торговый баланс. Однако встречаются и локальные исключения. Например, Южная Осетия имела за обозначенный период положительный торговый баланс с Санкт-Петербургом и Ленинградской областью, т.е. экспорт превысил импорт из этих регионов. Аналогичная ситуация сложилась между Абхазией и Москвой.

Особенности торговых взаимодействий

Анализ статистики и другой информации позволяет выделить общие и индивидуальные особенности современных торговых взаимодействий регионов России и Республик Южной Осетии и Абхазии.

Во-первых, Российская Федерация является важнейшим внешнеторговым партнером обеих республик. По данным Государственного таможенного комитета Республики Абхазия за 2020 г., на нашу страну приходилось 74 % от общего товарооборота республики¹. В Республике Южная Осетия этот показатель был еще выше – почти 89 % (данные Управления государственной статистики РЮО)². Одновременно Республика Абхазия расширяет круг стран-партнеров, объективно имея для этого больше инфра-

¹ Итоги деятельности Государственного таможенного комитета Республики Абхазия за 2020 год // [Электронный ресурс]. URL: https://www.customsra.com/assets/pdf_otchet/otchet-2020.pdf (дата обращения: 06.01.2023).

² Статистический сборник. Управление государственной статистики РЮО. [Электронный ресурс]. URL: <https://ugostat.ru/category/spravochnik/> (дата обращения: 06.11.2022).

структурных и экономических возможностей. Так, вторым партнером по объему внешнеторгового оборота после России сегодня является Турция. Кроме того, импорт в республику поступает из Японии, Молдовы, Италии, Китая, ОАЭ, Беларуси, Бразилии, Армении. Сведения о других партнерах Южной Осетии в открытом доступе отсутствуют. Следует заметить, что за последние годы на границе обеих республик сложилась челночная торговля с Грузией.

Во-вторых, Республики Абхазия и Южная Осетия сегодня практически встроены в тарифно-таможенные режимы ЕАЭС, в том числе через применение идентичной товарной номенклатурой внешнеторговых товаров ТНВЭД. Однако пока это скорее выступает институциональным барьером для развития торговых отношений обеих республик, особенно Южной Осетии, негативное влияние которого необходимо снимать «вручную», учитывая местную экономическую специфику.

В-третьих, сравнивая географию импорта, следует отметить более разнообразные связи с российскими регионами Республики Абхазия по сравнению с Республикой Южная Осетия. Кроме того, региональные поставки в Абхазию, как правило, приобретали практически сразу же характер долгосрочных и постоянных. Только 11 из 79 регионов поставляли продукцию не более 1–4-летнего периода (к примеру, Камчатский и Хабаровский края, Сахалинская область, Республика Саха (Якутия) – по одному году; Амурская область – 2 года; Республика Алтай, ХМАО, Астраханская область, Чеченская Республика – по 3 года; Тюменская область – 4 года). В Южную Осетию 31 из 64 регионов поставляли продукцию не более 1–4 раз (например, не более одного года шли поставки из г. Севастополь, Республики Марий Эл, Хабаровского края, Астраханской, Курской, Костромской областей; два года – Чеченской Республики; три – Пермского края и Республики Коми; четыре – Кировской области). Примечательно, что из Республики Крым в Южную Осетию была осуществлена поставка только в 2018 г. (ее доля в общем объеме составляет 0,016 %). Одновременно с Абхазией у этого региона с 2014 г. налажены постоянные связи, и сегодня его доля в абхазском импорте составляет порядка 0,09 %.

В-четвертых, география экспорта из обеих республик намного уже, чем импорта. На уровне межстранового экспорта, кроме России, Абхазия имеет одного партнера – Турцию, общий товарооборот с которой в 2020 г. составил 1 901,3 млн руб. (из них 44 % – импортные поставки, 56 % – экспортные, обеспечив тем самым для республики положительное сальдо торгового баланса). С российскими регионами Абхазия имеет более широкие связи как в плане географии участников, так и в отношении их постоянного состава. Общим основным направлением экспорта для обеих республик является г. Москва (возможно, это связано с преобладающей регистрацией российских компаний в этом регионе). Другими по значимости выступают для Абхазии Краснодарский край, для Южной Осетии – Республика Северная Осетия. Эта ситуация во многом определяется смежными границами территорий, а следовательно, более дешевой и развитой логистической инфраструктурой. Одновременно важно отметить, что Абхазия активно участвует в ярмарках, проводимых российскими регионами. Например, в по-

следние годы все большую популярность набирает проект «От Абхазии до Камчатки», где широко представлена традиционная сельскохозяйственная продукция республики. Южная Осетия пока не участвует широко в таких мероприятиях.

В-пятых, товарная структура импорта республик более схожа, чем экспорта, хотя, безусловно, есть различия по удельному весу товарных групп. Важнейшей импортируемой группой является «27 – Топливо минеральное и т.д.», включая электроэнергию, направляемую в Южную Осетию. В плане экспорта важнейшими для Абхазии являются продукты питания, включая алкоголь и безалкогольную продукцию, для Южной Осетии – текстиль.

Заключение

Несмотря на существующие ограничения, Республики Абхазия и Южная Осетия развивают торговые связи с российскими регионами, с рядом из которых, в первую очередь, у Абхазии, уже сложились долгосрочные отношения. Динамика изменений в целом имеет растущий тренд. Зависимость от поставок из российских регионов у республик достаточно высока. И этот факт необходимо учитывать в экстремальных ситуациях типа пандемии COVID-19, когда вынужденно закрылись государственные границы, как следствие, существенно сократился не только экспорт, но импорт, особенно в Республику Южная Осетия. Эта ситуация негативно сказалась на удовлетворении потребительского спроса на целый ряд товаров. Кроме того, сохраняются транспортно-логистические ограничения для увеличения экспорта. Тем не менее, несмотря на политический статус и другие барьеры, перед правительствами обеих республик стоит важная стратегическая задача – укрепить торговые отношения, увеличить экспорт и доходы от внешнеэкономической деятельности.

Список источников

1. *Дорошенко С.В., Джабиев В.В.* Современные торговые отношения между Республикой Южная Осетия и российскими регионами: особенности, тенденции, барьеры, риски // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2022. Т. 30, № 4. С. 530–547. URL: <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2022-30-4-530-547>
2. *Маркедонов С.М.* Де-факто государства: политический феномен постсоветского пространства // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2018. № 1 (11). С. 24–40. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-1-24-40
3. *Савин К.Н., Шеломенцев А.Г., Джабиев В.В.* Финансовая основа экономической состоятельности Республики Южная Осетия // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. 2021. № 1 (79). С. 98–110.
4. *Сёмин А.Н., Мазлов В.З., Кибиров А.Я.* Агротуризм как фактор социально-экономического развития сельских территорий Республики Южная Осетия // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2021. № 11. С. 66–72.
5. *Шеломенцев А.Г., Гончарова К.С.* Факторы социально-экономического развития частично признанных и непризнанных республик Кавказа // Вестник МГИМО Университета. 2021. Т. 14, № 5. С. 203–223. URL: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-5-80-203-223>

6. *Abushov K.* Explaining Foreign Policy Deviations: The Strategic Rationale of Russia's Recognition of Abkhazia's and South Ossetia's Independence // *Ethnopolitics*. 2022. Vol. 21, no. 4. P. 401–422. DOI: 10.1080/17449057.2021.1882117
7. *Ahluwalia P., Miller T.* Why did the World not learn lessons from South Ossetia and Abkhazia: Russia's push into Ukraine? // *Social Identities*. 2022. Vol. 28, no. 2. P. 147–149. DOI: 10.1080/13504630.2022.2057018
8. *Ambrosio T., Lange W.* The architecture of annexation? Russia's bilateral agreements with South Ossetia and Abkhazia // *Nationalities Papers*. 2016. No. 44 (5). P. 673–693. doi: 10.1080/00905992.2016.1203300
9. *Bakke K.M., Linke A.M., O'Loughlin J., Toa G.* Dynamics of state-building after war: External-internal relations in Eurasian de facto states // *Political Geography*. 2018. No. 63. P. 159–173. DOI: 10.1016/j.polgeo.2017.06.011
10. *Beacháin D.* Abkhazia and South Ossetia / *Visoka G., Doyle J., Newman E.* (Eds.). *Routledge Handbook of State Recognition*. 2019. P. 430–445. URL: <https://doi.org/10.4324/9781351131759>
11. *Besolova E., Bekoeva I., Balikoeva M.* General and specific traits in the folklore and ritual life of the peoples of the Caucasus (ethnolinguistic aspect) // *ECORFAN Journal Mexico*. 2022. P. 24.
12. *Blakkisrud H., Kolsto P.* From Secessionist Conflict Toward a Functioning State: Processes of State- and Nation-Building in Transnistria, Post-Soviet Affairs. 2011. Vol. 27, no. 2. P. 178–210. DOI: 10.2747/1060-586X.27.2.178
13. *Buzard K., Graham B.A.T., Horne B.* Unrecognized states: a theory of self-determination and foreign influence // *Journal of Law, Economics, and Organization*. 2017. Vol. 33, no. 3. P. 578–611.
14. *Galkina T.A., Popov F.A.* Russia's borders with Abkhazia and South Ossetia on four scales: Analysis of the political discourse // *Reg. Res. Russ.* 2016. No. 6. P. 258–266. URL: <https://doi.org/10.1134/S2079970516030023>
15. *German T.* Russia and South Ossetia: conferring statehood or creeping annexation? // *Journal of Southeast European and Black Sea*. 2016. No. 16 (1). P. 155–167. doi: 10.1080/14683857.2016.1148411
16. *Gerrits A., Bader M.* Russian patronage over Abkhazia and South Ossetia: implications for conflict resolution // *East European Politics*. 2016. Vol. 32, no. 3. P. 297–313. DOI: 10.1080/21599165.2016.1166104
17. *Golunov S.* Pandemic Borders of Post-Soviet De Facto States // *Journal of Borderlands Studies*. 2022. No. 37 (4). P. 741–760. DOI: 10.1080/08865655.2021.1943495
18. *Hoch T.* Independence or unification with a patron state? not such' dichotomous ideas as one would think: Evidence from South Ossetia // *Studies in Transition States and Societies*. 2020. No. 12 (1). P. 68–89. URL: <http://publications.tlu.ee/index.php/stss/article/view/859/697>
19. *Hoch T., Kopeček V.* (Eds.). *De Facto States in Eurasia* (1st ed.). Routledge. 2019. 324 p. URL: <https://doi.org/10.4324/9780429244049>
20. *Hoch T., Souleimanov E., Baranec T.* Russia's role in the official peace process in South Ossetia // *Bulletin of Geography. Socio-economic Series*. 2014. No. 23. P. 53–71. URL: <http://dx.doi.org/10.2478/bog-2014-0004>
21. *Kolsto P.* The sustainability and future of unrecognized quasi-states // *Journal of Peace Research*. 2006. No. 43 (6). P. 723–740. doi: 10.1177/0022343306068102
22. *Kolsto P.* Biting the hand that feeds them? Abkhazia–Russia client–patron relations // *Post-Soviet Affairs*. 2020. No. 36 (2). P. 140–158. doi: 10.1080/1060586X.2020.1712987
23. *Kolsto P., Blakkisrud H.* Russia's neighborhood policy and its eurasian client states: no autocracy export // *Russia in Global Affairs*. 2021. No. 2. P. 38–62. DOI: 10.31278/1810-6374-2021-19-2-38-62
24. *Krasniqi G.* Contested territories, liminal polities, performative citizenship: a comparative analysis // *EUI Working Paper RSCAS*. 2018. No. 13. P. 60.

25. Lynch D. Separatist states and post-Soviet conflicts // *International Affairs*. 2002. No. 78 (4). P. 831–848. doi: 10.1111/1468-2346.00282
26. Matsuzato K. Transnational minorities challenging the interstate system: Mingrelians, armenians, and muslims in and around Abkhazia // *Nationalities Papers*. 2011. No. 39 (5). P. 811–831. doi: 10.1080/00905992.2011.599376
27. Miarka A. Para-states as an instrument for strengthening Russia’s position – the case of Transnistria // *Journal of Strategic Security*. 2020. Vol. 13, no. 2. P. 1–18. URL: <https://doi.org/10.5038/1944-0472.13.2.1750>
28. Minakov M. On the extreme periphery. The status of post-soviet non-recognised states in the world-system // *Ideology and Politics Journal*. 2019. No. 1 (12). P. 39–72.
29. Nishikawa-Pacher A. The diplomacy of post-Soviet de facto states: ontological security under stigma // *International Relations*. 2019. No. 33. P. 563–585.
30. O’Loughlin J., Toal G., Kolosov V. Who identifies with the “Russian World”? Geopolitical attitudes in southeastern Ukraine, Crimea, Abkhazia, South Ossetia, and Transnistria // *Eurasian Geography and Economics*. 2016. Vol. 57, no. 6. P. 745–778. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/15387216.2017.1295275>
31. O’Loughlin J., Kolosov V.A. Building identities in post-Soviet “de facto states”: cultural and political icons in Nagorno-Karabakh, South Ossetia, Transdniestria, and Abkhazia // *Eurasian Geography and Economics*. 2020. No. 58. P. 691–715.
32. Sebentsov A.B., Karpenko M.S., Gritsenko A.A. et al. Economic Development as a Challenge for “De Facto States”: Post-Conflict Dynamics and Perspectives in South Ossetia. *Reg. Res. Russ.* 2022. No. 12. P. 414–427. URL: <https://doi.org/10.1134/S2079970522700277>
33. Souleimanov E.A., Abrahamyan E., Aliyev H. Unrecognized states as a means of coercive diplomacy? Assessing the role of Abkhazia and South Ossetia in Russia’s foreign policy in the South Caucasus // *Southeast European and Black Sea Studies*. 2018. No. 18 (1). P. 73–86. doi: 10.1080/14683857.2017.1390830
34. Ulas H. The Dynamics of Social Movements in Unrecognized States – A Comparative Study // *Front. Polit. Sci.* 2021. No. 3. P. 724125. doi: 10.3389/fpos.2021.724125

References

1. Doroshenko S.V., Dzhabiev V.V. Sovremennye torgovye otnosheniya mezhdru Respublikoj Juzhnaja Osetija i rossijskimi regionami: osobennosti, tendencii, bar’ery, riski [Modern trade relations between the Republic of South Ossetia and Russian regions: Features, trends, barriers, risks], *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Jekonomika [RUDN Journal of Economics]*, 2022, vol. 30, no. 4, pp. 530–547. Available at: <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2022-30-4-530-547>
2. Markedonov S.M. De-fakto gosudarstva: politicheskij fenomen postsovetovskogo prostranstva [De facto states: the political phenomenon of the post-Soviet space. Bulletin of the Russian State University], *Vestnik RGGU. Serija «Politologija. Istorija. Mezh-dunarodnye otnosheniya. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie» [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series “Political Science. Story. International relationships. Foreign Regional Studies. Oriental Studies”]*, 2018, no. 1 (11), pp. 24–40. DOI: 10.28995/2073- 6339-2018-1-24-40
3. Savin K.N., Shelomencev A.G., Dzhabiev V.V. Finansovaja osnova jekonomicheskoj sostojatel’nosti Respubliki Juzhnaja Osetija [Financial basis of economic viability of the Republic of South Ossetia], *Voprosy sovremennoj nauki i praktiki. Universitet im. V.I. Vernadskogo [Issues of modern science and practice. V.I. Vernadsky University]*, 2021, no. 1 (79), pp. 980–110.
4. Sjomina A.N., Mazloev V.Z., Kibirov A.Ja. Agroturizm kak faktor social’no-jekonomicheskogo razvitija sel’skih territorij Respubliki Juzhnaja Osetija [Agrotourism as a factor of socio-economic development of rural territories of the Republic of South

- Ossetia], *Jekonomika sel'skohozjajstvennyh i pererabatyvajushhih predpriyatij* [Economics of agricultural and processing enterprises], 2021, no. 11, pp. 66–72.
5. Shelomencev A.G., Goncharova K.S. Faktory social'no-jekonomicheskogo razvitija chastichno priznannyh i nepriznannyh respublik Kavkaza [Factors of socio-economic development of partially recognized and unrecognized republics of the Caucasus], *Vestnik MGIMO Universiteta* [Bulletin of MGIMO University], 2021, vol. 14, no. 5, pp. 203–223. Available at: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-5-80-203-223>
 6. Abushov K. Explaining Foreign Policy Deviations: The Strategic Rationale of Russia's Recognition of Abkhazia's and South Ossetia's Independence, *Ethnopolitics*, 2022, vol. 21, no. 4, pp. 401–422. DOI: 10.1080/17449057.2021.1882117
 7. Ahluwalia P., Miller T. Why did the World not learn lessons from South Ossetia and Abkhazia: Russia's push into Ukraine? *Social Identities*, 2022, vol. 28, no. 2, pp. 147–149. DOI: 10.1080/13504630.2022.2057018
 8. Ambrosio T., Lange W. The architecture of annexation? Russia's bilateral agreements with South Ossetia and Abkhazia, *Nationalities Papers*, 2016, no. 44 (5), pp. 673–693. doi: 10.1080/00905992.2016.1203300
 9. Bakke K.M., Linke A.M., O'Loughlin J., Toa G. Dynamics of state-building after war: External-internal relations in Eurasian de facto states, *Political Geography*, 2018, no. 63, pp. 159–173. DOI: 10.1016/j.polgeo.2017.06.011
 10. Beacháin D. Abkhazia and South Ossetia / Visoka G., Doyle J., Newman E. (Eds.). *Routledge Handbook of State Recognition*. 2019. P. 430–445. Available at: <https://doi.org/10.4324/9781351131759>
 11. Besolova E., Bekoeva I., Balikoeva M. General and specific traits in the folklore and ritual life of the peoples of the Caucasus (ethnolinguistic aspect), *ECORFAN Journal Mexico*, 2022, p. 24.
 12. Blakkisrud H., Kolstø P. From Secessionist Conflict Toward a Functioning State: Processes of State- and Nation-Building in Transnistria, *Post-Soviet Affairs*, 2011, vol. 27, no. 2, pp. 178–210. DOI: 10.2747/1060-586X.27.2.178
 13. Buzard K., Graham B.A.T., Horne B. Unrecognized states: a theory of self-determination and foreign influence, *Journal of Law, Economics, and Organization*, 2017, vol. 33, no. 3, pp. 578–611.
 14. Galkina T.A., Popov F.A. Russia's borders with Abkhazia and South Ossetia on four scales: Analysis of the political discourse, *Reg. Res. Russ.*, 2016, no. 6, pp. 258–266. Available at: <https://doi.org/10.1134/S2079970516030023>
 15. German T. Russia and South Ossetia: conferring statehood or creeping annexation? *Journal of Southeast European and Black Sea*, 2016, no. 16 (1), pp. 155–167. doi: 10.1080/14683857.2016.1148411
 16. Gerrits A., Bader M. Russian patronage over Abkhazia and South Ossetia: implications for conflict resolution, *East European Politics*, 2016, vol. 32, no. 3, pp. 297–313. DOI: 10.1080/21599165.2016.1166104
 17. Golunov S. Pandemic Borders of Post-Soviet De Facto States, *Journal of Borderlands Studies*, 2022, no. 37 (4), pp. 741–760. DOI: 10.1080/08865655.2021.1943495
 18. Hoch T. Independence or unification with a patron state? not such' dichotomous ideas as one would think: Evidence from South Ossetia, *Studies of Transition States and Societies*, 2020, no. 12 (1), pp. 68–89. Available at: <http://publications.tlu.ee/index.php/stss/article/view/859/697>
 19. Hoch T., Kopeček V. (Eds.). *De Facto States in Eurasia* (1st ed.). Routledge. 2019. 324 p. Available at: <https://doi.org/10.4324/9780429244049>
 20. Hoch T., Souleimanov E., Baranec T. Russia's role in the official peace process in South Ossetia, *Bulletin of Geography. Socio-economic Series*, 2014, no. 23, pp. 53–71. Available at: <http://dx.doi.org/10.2478/bog-2014-0004>
 21. Kolsto P. The sustainability and future of unrecognized quasi-states, *Journal of Peace Research*, 2006, no. 43 (6), pp. 723–740. doi: 10.1177/0022343306068102

22. Kolsto P. Biting the hand that feeds them? Abkhazia–Russia client–patron relations, *Post-Soviet Affairs*, 2020, no. 36 (2), pp. 140–158. doi: 10.1080/1060586X.2020.1712987
23. Kolsto P., Blakkisrud H. Russia’s neighborhood policy and its eurasian client states: no autocracy export, *Russia in Global Affairs*, 2021, no. 2, pp. 38–62. DOI: 10.31278/1810-6374-2021-19-2-38-62
24. Krasniqi G. Contested territories, liminal polities, performative citizenship: a comparative analysis, *EUI Working Paper RSCAS*, 2018, no. 13, p. 60.
25. Lynch D. Separatist states and post-Soviet conflicts, *International Affairs*, 2002, no. 78 (4), pp. 831–848. doi: 10.1111/1468-2346.00282
26. Matsuzato K. Transnational minorities challenging the interstate system: Mingrelians, armenians, and muslims in and around Abkhazia, *Nationalities Papers*, 2011, no. 39 (5), pp. 811–831. doi: 10.1080/00905992.2011.599376
27. Miarka A. Para-states as an instrument for strengthening Russia’s position – the case of Transnistria, *Journal of Strategic Security*, 2020, vol. 13, no. 2, pp. 1–18. Available at: <https://doi.org/10.5038/1944-0472.13.2.1750>
28. Minakov M. On the extreme periphery. The status of post-soviet non-recognised states in the world-system, *Ideology and Politics Journal*, 2019, no. 1 (12), pp. 39–72.
29. Nishikawa-Pacher A. The diplomacy of post-Soviet de facto states: ontological security under stigma, *International Relations*, 2019, no. 33, pp. 563–585.
30. O’Loughlin J., Toal G., Kolosov V. Who identifies with the “Russian World”? Geopolitical attitudes in southeastern Ukraine, Crimea, Abkhazia, South Ossetia, and Transnistria, *Eurasian Geography and Economics*, 2016, vol. 57, no. 6, pp. 745–778. Available at: <http://dx.doi.org/10.1080/15387216.2017.1295275>
31. O’Loughlin J., Kolosov V. A. Building identities in post-Soviet “de facto states”: cultural and political icons in Nagorno-Karabakh, South Ossetia, Transdniestria, and Abkhazia, *Eurasian Geography and Economics*, 2020, no. 58, pp. 691–715.
32. Sebentsov A.B., Karpenko M.S., Gritsenko A.A. et al. Economic Development as a Challenge for “De Facto States”: Post-Conflict Dynamics and Perspectives in South Ossetia, *Reg. Res. Russ.*, 2022, no. 12, pp. 414–427. Available at: <https://doi.org/10.1134/S2079970522700277>
33. Souleimanov E.A., Abrahamyan E., Aliyev H. Unrecognized states as a means of coercive diplomacy? Assessing the role of Abkhazia and South Ossetia in Russia’s foreign policy in the South Caucasus, *Southeast European and Black Sea Studies*, 2018, no. 18 (1), pp. 73–86. doi: 10.1080/14683857.2017.1390830
34. Ulas H. The Dynamics of Social Movements in Unrecognized States – A Comparative Study, *Front. Polit. Sci.*, 2021, no. 3, p. 724125. doi: 10.3389/fpos.2021.724125

Сведения об авторе:

С.В. Дорошенко – доктор экономических наук, доцент, заведующий сектором исследований адаптации региональных систем, Институт экономики УрО РАН, Екатеринбург, Российская Федерация.

Information about the author:

S.V. Doroshenko – Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the Regional Systems Adaptation Research Sector, Institute of Economics of the Ural Branch of the RAS, Yekaterinburg, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию	28.03.2023	The article was submitted	28.03.2023
Одобрена после рецензирования	02.05.2023	Approved after reviewing	02.05.2023
Принята к публикации	02.05.2023	Accepted for publication	02.05.2023